

# К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского

И. И. МОЧАЛОВ

## В. И. ВЕРНАДСКИЙ И ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА\*

В статье делается попытка рассмотреть подходы В. И. Вернадского к феномену сознания на пересечении разных контекстов его творческого пути как ученого, философа, основателя научных школ, общественного деятеля, историка науки, публициста. Отдавая в полной мере себе отчет в чрезвычайной сложности избранной темы, заведомую неполноту использованных архивных материалов, изучение которых еще весьма далеко от своего завершения, автор ограничивается рамками предварительной постановки вопроса, адресуя будущему его развитие и дальнейшую разработку на существенно обогащенном и расширенном эмпирическом и концептуальном материале биографии Вернадского.

*Ключевые слова:* В. И. Вернадский, сознание, разум, космос, живое вещество, биосфера, история науки, ноосфера, народные массы, личность, творчество, интеллигенция.

В трудах В. И. Вернадского понятия-термины «сознание», «разум» употребляются, как правило, в качестве синонимов, он нередко пишет их одной строкой, через запятую. Однако в тех случаях, когда ему бывает необходимо (особенно в дневниках и письмах) развернуть перед собой (дневники) или читателем (письма) широкую панораму своих *переживаний и размышлений* (а это бывает довольно часто), Владимир Иванович отдает явное предпочтение сознанию перед разумом. Почему?

На мой взгляд, дело заключается в том, что именно сознание в творчестве Вернадского – причем не только научном – играло колоссальную, точнее будет сказать – определяющую роль. Конечно, при этом разум никуда не исчезал, но все же он до определенной степени отходил на второй план.

Если нужно, Владимир Иванович, обращаясь к разуму по тому или иному поводу, без колебаний называл его «холодным разумом». Но никогда, ни при каких обстоятельствах не называл он «холодным» сознание. Для него это было равносильно утверждению чего-то невозможного, вроде «обледеневшего пламени». Владимир Иванович сознание мыслил «горячим» или по крайней мере «теплым» – в этом легко убедиться, перечитав даже немногие страницы

---

\* В основу данного очерка лег доклад, представленный 25 марта 2013 г. на международной научной конференции «Философские идеи В. И. Вернадского и современная научная картина мира», проведенной Российским философским обществом, Институтом философии РАН, Институтом истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Российской академией естественных наук, Российской экологической академией.

богате́йшего эпистоля́рного насле́дия уче́ного, особе́нно в его́ молодые́ годы. Одна́ко и зна́комство с зако́нченными и да́вно уже́ опу́бликованны́ми тру́дами Верна́дского́ приво́дит чита́теля к анало́гичным за́ключениям.

Есть все основания, подчеркивал Вернадский, рассматривать сознание-разум, наряду с материей и энергией, как третью часть мироздания, т. е. как неуничтожимый, вечный и бесконечный, неисчерпаемый вширь и вглубь атрибут космоса.

Сознание есть третья составная часть мироздания, третья область его проявления, которую мы должны принимать во внимание <sup>1</sup>.

Обращаясь к земным проявлениям этого атрибута, Владимир Иванович говорил о

существовании в космосе *человеческого* (курсив мой. – И. М.) разума и сознания, что стояло в резком и, по-видимому, непреодолимом противоречии [...] с тем космосом без разума и без сознания, который удовлетворял так долго искателей научной истины <sup>2</sup>.

Как естествоиспытатель-эмпирик Вернадский предпочитает в данном случае говорить именно о человеческом разуме и сознании, хотя он и не исключал возможности существования иных типов разума, стоящих на более высоких ступенях развития.

Надо думать, что здесь, на Земле, в данное геологическое время перед нами развернулось только *промежуточное* (курсив мой. – И. М.) выявление духовных возможностей жизни и что в космосе где-нибудь существуют более высокие в этой области проявления <sup>3</sup>.

Благодаря своему разуму человек изменяет окружающую его природную среду. Сознание воздействует на протекающие в биосфере материальные и энергетические процессы, изменяет их ход, перераспределяет их, преобразует структуру природных тел и т. п. В этом смысле сознание выступает как специфическая сила природы, стоящая отдельно среди других, известных человеку сил.

Мысль – *мощное явление* (курсив мой. – И. М.) в планетном масштабе <sup>4</sup>.

Сознание человечества становится той силой, тем фактором, который мы должны принимать во внимание [...] Это *как будто* (курсив мой. – И. М.) особая сила <sup>5</sup>.

Сознание *есть* (курсив мой. – И. М.) сила природы <sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Вернадский В. И. Замечания для живого вещества. Мысли. 1920–1921 // Архив РАН (АРАН). Ф. 518. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

<sup>2</sup> Вернадский В. И. О размножении организмов и его значении в строении биосферы (1926) // Вернадский В. И. Избранные сочинения. М., 1960. Т. 5. С. 211.

<sup>3</sup> Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М., 1940. С. 180.

<sup>4</sup> Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии. Вып. 3. 1943 // АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 3. Л. 77.

<sup>5</sup> Вернадский В. И. Мысли. 1920–1931 // АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

<sup>6</sup> Вернадский В. И. На границе науки. Пространство науки и пространство философии и математики. 1920-е гг. // АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

Очень увлекательно, вдумываясь в рассуждения Владимира Ивановича, пытаться уловить оттенки его мысли. Часто создается впечатление, что он ищет нужные ему слова и далеко не всегда находит такие, которые бы его удовлетворяли полностью. Это относится и к размышлениям на тему «Разум как сила». Все же вывод Вернадского в общем однозначен: сознание-разум есть максимально возможное, но отнюдь не конечное проявление заложенных в живой природе, биосфере Земли духовных потенций, – таков главный тезис, обосновываемый Вернадским. На человеческий разум и его материальный «носитель» – мозг – нельзя смотреть как на что-то неизменное, будто бы достигшее к настоящему времени законченности и абсолютного совершенства. Процесс эволюционного – биологического и социального – изменения разума отнюдь не прекратился. Он не только происходил в прошлом, но продолжается в настоящее время и будет происходить в будущем: «В дали времен шел тот же процесс роста человеческого разума. Он шел по тем же законам, по каким идет и ныне»<sup>7</sup>.

Возможности дальнейшего совершенствования человеческого разума, в нем заложенные, потенциально безграничны, и предвидеть всех последствий этого прогресса в будущем сейчас просто невозможно. С большой долей приближения к истине можно, однако, утверждать (о чем уже упоминалось), что разум современного человека – это лишь промежуточное звено в его восходящей эволюции.

Попытаемся, однако, хотя бы частично развернуть перед читателем панораму размышлений Владимира Ивановича на эту тему.

Удивительно не делается вывод из теории эволюции и эволюционного происхождения человека.

Если человек, как это видно, произошел из низших форм, то разум человека является не венцом эволюции, а промежуточной формой.

Отсюда:

*Могут существовать гораздо более мощные проявления разума, чем разум человеческий.*

*Эти более мощные проявления разума могут сказываться в биосфере, на нашей планете.*

[...] Процесс эволюции *не кончен*: во что превратится Homo sapiens faber? – Дальнейшее развитие разума?

[...] Признание *ограниченности* разума Homo sapiens как природного явления, подлежащего изучению, должно отразиться на *основах философии* (курсив мой. – И. М.)<sup>8</sup>.

Homo sapiens не есть завершение создания [человека]; он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он является промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее, которые имели менее совершенный мыслительный аппарат, чем его, и будут иметь более совершенный, чем он имеет.

[...] Для натуралиста разум есть преходящее проявление высших форм жизни Homo sapiens в биосфере: он не есть и не может быть конечной, максимальной формой проявления жизни. Им не может явиться челове-

<sup>7</sup> Вернадский В. И. Мысли о современном значении истории знаний. Л., 1927. С. 2.

<sup>8</sup> Вернадский. Мысли. 1920–1931... Л. 114.

ческий мозг. Человек не есть венец творения, философский анализ разума едва ли может дать даже отдаленное понятие о возможной мощности познания на нашей планете в ее геологическом будущем. Рост разума с ходом времени, насколько он изучен, не дает нам для этого никаких данных на протяжении всех тысячелетий существования науки. Однако отрицать эту возможность как реальную нельзя. *В порядке десятилетия изменений мыслительного аппарата человека может казаться вероятным и даже неизбежным* (курсив мой. – И. М.)<sup>9</sup>.

Сознание-разум обладает множеством свойств, которые по-разному проявляются у каждого человека. Сознание-разум человечества, как в своих индивидуально-личностных, так и социальных – той или иной степени общности – проявлениях, есть нечто чрезвычайно гибкое, бесконечно разнообразное. В этом смысле разум, взятый как целое, носит, употребляя одно из излюбленных выражений Владимира Ивановича, «мозаичный» характер, однако с тем существенным отличием от обычной мозаики, что мозаика разума по «цвету» составляющих ее элементов беспредельно многообразна и по занимаемой ею «площади» также не имеет границ.

Человеческий ум бесконечен в своем разнообразии, и мы напрасно пытались бы заранее ограничить все доступные ему возможности, раз мы не можем проверить их на реальном облике природы<sup>10</sup>.

Проявления разума, в какой бы «области сознания» (Вернадский) они не происходили – в науке, философии, религии, искусстве, – «так же бесконечны и их понимание так же безгранично, как бесконечно все, к чему прикасается человеческий дух»<sup>11</sup>.

Можно уверенно утверждать, что и как ученый, и как философ Вернадский прекрасно понимал сложность проблемы «сознание-разум», однако именно это его и привлекало.

Владимир Иванович не работал профессионально в физиологии и психологии, и понятно, что его суждения носили в общем описательный и гипотетический характер, тяготея к философии. Этому способствовал достаточно широкий круг знакомств с видными отечественными и зарубежными философами, психологами, физиологами.

Вернадский видел и отмечал огромные трудности, которые встают перед ученым, когда он подходит к проблеме сознания. Очень вероятно, что – в его восприятии и понимании – эти трудности были вообще непреодолимы в силу логической парадоксальности постановки самой исходной проблемы: осознать, понять сознание-разум, т. е. нечто глубоко субъективное, вынужденно обращаясь к «средствам» опять же сознания-разума, т. е. того же субъективного. Очевидно, что в такой постановке проблема во всей ее полноте оказывалась принципиально неразрешимой.

<sup>9</sup> Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление (1938) // АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 149. Л. 63, 94.

<sup>10</sup> Вернадский В. И. Живое вещество. 1916–1923 // АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 49. Л. 71.

<sup>11</sup> Вернадский В. И. Очерки и речи. Пг., 1922. Вып. 2. С. 24.

Но из этого вовсе не следовало, что попытки ее разрешения, если следовать вероятной логике рассуждений Вернадского, заранее были обречены на неудачу ввиду своей бесплодности и должны были быть сданы в архив.

Во-первых, не следует забывать, что Владимир Иванович был историком науки, а история эта свидетельствовала о том, что попытки разума «достигнуть недостижимое» отнюдь не всегда были бесплодными: научная мысль, – например, в поисках философского камня, попыток создания вечного двигателя и т. д. – могла приходить и приходила к важным открытиям. Нечто аналогичное может происходить (и, по-видимому, уже происходит) и с проблемой «сознание-разум».

Во-вторых, Вернадский был, конечно, крупнейшим мыслителем, философом, но как ученый он был прежде всего естествоиспытателем-эмпириком. А это не исключало, а, напротив, предполагало, что Владимир Иванович мог питать примерно такую надежду: пройдет какое-то время и наука так или иначе «дорастет» до того, чтобы заняться проблемой сознания-разума по существу, изобретя для этого некие совершенно особые методы исследования, о природе которых мы в настоящее время не в состоянии даже догадываться.

Может быть, этому будет предшествовать свой особый, ориентированный прежде всего, но не исключительно на феномен сознания-разума взрыв научного творчества XXI–XXII и последующих веков.

Пока же ученому ничего другого не остается, как судить о природе сознания-разума, преимущественно прибегая к старым как мир приемам сопоставлений-аналогий, метафор, экстраполяций и т. п., т. е. к тому, что сам Владимир Иванович называл «наведениями».

Трудности в познании разума усугубляются и тем, что последний не есть явление только биологическое, но также и социальное, в известном смысле внеличное. Разум социально обусловлен в своем существовании, он является синтезом биологического и социального.

Разум есть сложная социальная структура, построенная как для человека нашего времени, так и для человека палеолита на том же самом нервном субстрате, но при разной социальной обстановке, слагающейся во времени<sup>12</sup>.

Оставаясь в рамках старых научных представлений и методов, размышлял, по-видимому, Вернадский, вряд ли можно будет «решить» проблему сознания. К этому, вероятно, удастся подойти только используя все достижения, весь «арсенал» современной научной революции, охватившей науку как целое и выразившейся, в частности, в коренном изменении физических теорий, синтезе физики и биологии, возникновении новых методов исследования жизненных явлений. Думается, в общем примерно в таком направлении развивалась мысль Владимира Ивановича. И вполне вероятно, что в конечном итоге он вплотную подошел к выводу о том, что феномен сознания-разума является предметом исследований не одной какой-либо «самой-самой» фундаменталь-

---

<sup>12</sup> Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление (1938) // АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 150. Л. 11.

ной науки или даже группы «самых-самых» фундаментальных наук, а всей «большой науки» как целого. Но до этого «целого» сама «большая наука» будет еще очень-очень долго расти, и дорастет ли – неизвестно.

\* \* \*

Разум тесно связан с жизнью, он неотделим от живого вещества, возникает и существует на его основе. Разум есть *«высшее проявление жизни (курсив мой. – И. М.), выявление ее духовных возможностей»*<sup>13</sup>.

Носителем сознания является не вся материя, а только сложные органические (углеродистые) соединения. Владимир Иванович размышлял в начале XX в.:

Говорить теперь о психических и душевных явлениях только как о проявлении свойств материи нельзя – можно говорить лишь о проявлении свойств соединений углерода.

Ошибочно абсолютно противопоставлять сознание материи, отрывать разум от его материального носителя.

Сильным возражением с научной точки зрения против независимости духа от материи является то, что дух и духовное начало связаны лишь с небольшой, резко обособленной частью материи.

Такое понимание означает, отмечал Вернадский, «резкий материализм». Однако при этом «понятие материи несколько суживается» – оно не охватывает собой все реально существующее, так как помимо материальных не менее реальны также и духовные явления<sup>14</sup>.

Вернадский в целом высоко оценивал вклад павловской физиологии в истолкование явлений сознания. Об одной из своих бесед с Павловым он, например, писал:

Разговор с ним коснулся самых последних вопросов, до которых доходят точные знания – научного охвата сознания. Удивительно, как он ярко и последовательно доходит до пределов и как хорошо он объясняет чисто математически<sup>15</sup>.

Подчеркивая связь сознания с материей, Вернадский наряду с этим категорически возражал против сведения его к тем или иным материальным процессам. Идея *специфичности* сознания, его глубочайшего качественного отличия от материи последовательно проводилась Владимиром Ивановичем. По его мнению, в пользу этого говорит история науки, показавшая иллюзорность объяснения явлений сознания в рамках одних только материально-энергетических закономерностей.

<sup>13</sup> Вернадский. Биогеохимические очерки... С. 177, 180.

<sup>14</sup> Вернадский В. И. Мысли. 1901–1911 // АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.

<sup>15</sup> Вернадский В. И. Письмо А. С. Короленко 13 января 1917 г. // Кабинет-музей В. И. Вернадского Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН.

Ссылаясь на успехи физики и химии, многие ученые

считали, что разум, сознание, наряду со всеми другими физиологическими процессами должны были быть сведены к тем физико-химическим процессам, которые вошли в построение космоса. Принималось при этом, что все философские, художественные, религиозные проявления человеческого сознания всецело уложатся в рамки научного ньютонова мироздания.

Однако до настоящего времени этот

охват создания разума, логического мышления схемами и построениями физико-химических систем ньютонова космоса не подвинулся ни на шаг <sup>16</sup>.

Сознание и мысль не могли быть, несмотря на усилия поколений мыслителей и ученых, сведены ни на материю, ни на энергию, в каком бы то ни было из разнообразных их пониманий <sup>17</sup>.

Убежденный в глубоком, вечном и принципиально не устранимом и не преодолимом своеобразии сознания, Вернадский полагал, что и пространственно-временные формы его бытия также должны быть специфичны, т. е. качественно отличаться от пространственно-временных форм бытия материальных тел и процессов. Что касается пространства, то на такую возможность, по его мнению, указывают, в частности, явления телепатии.

Владимир Иванович рассуждал:

Теоретически мыслимо в целой группе явлений, охватываемых наукой, принять как *существующее пространство бесструктурное* – пространство *геометрии*. Явления, о которых я здесь говорю, только начинают охватываться научным исследованием; они, во всяком случае, мало изучены, хотя мне представляется легкомысленным и не отвечающим положению дел часто встречаемое отношение к ним резко отрицательное. Это явления телепатии и аналогичные парапсихические явления, имеющие место в пространстве, но ничем не указывающие на значение для них всемирного эфира, как бы вне его находящиеся. Если реальность таких явлений станет для нас – *что для части их мне представляется несомненным* – общепризнанной, но и эти явления будут происходить *только в реальном пространстве натуралиста*. Но, конечно, возможно для них *исчезают* те черты строения пространства, которые имеют значение для других физических явлений и для них достаточны *только те черты пространства геометра, которые всегда присущи – но не единственны – и реальному пространству натуралиста* (курсив мой. – И. М.) <sup>18</sup>.

<sup>16</sup> Вернадский. Биогеохимические очерки... С. 177–178.

<sup>17</sup> Вернадский В. И. Эволюция видов и живое вещество (1928) // Вернадский. Избранные сочинения... 1960. Т. 5. С. 250.

<sup>18</sup> Вернадский В. И. На границе науки. Пространство науки и пространство философии и математики. 1920-е гг. // АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 160. Л. 4–6.

\* \* \*

В течение всей своей жизни ученого и философа Вернадский в равной степени и столь же терпеливо возводил поражающую грандиозностью собственную вселенную сознания-разума, свой ментальный космос. В этом космосе были представлены все основные разновидности знания как такового.

Прежде всего это знание объектно-предметное, адресованное непосредственно вещественному, материальному миру неживой и миру живой природы, включая в последний также и мир человека – мир, в котором феномен сознания естественно становился доминирующим. Объектно-предметный мир и мир человека нашел отображение в многочисленных трудах Владимира Ивановича – книгах, очерках, статьях естественно-научного и гуманитарного профиля. Это – труды по кристаллографии, минералогии, геохимии, почвоведению, живому веществу, биосферологии, биогеохимии, метеоритике, радиогеологии, биографиям ученых, научно-организационные и общественно-политические работы. Очевидно, в будущем, по-настоящему полном собрании сочинений Вернадского объем этого объектно-предметного знания будет не просто великим, а подавляюще великим.

К «знанию как таковому» следует отнести также знание о самом знании. В ментальном космосе Владимира Ивановича этого рода знанию принадлежит почетное место – пожалуй, второе по объему и значимости после знания объектно-предметного. В первую очередь это, конечно, труды по истории и теории, эпистемологии, логике и методологии науки. При этом необходимо учитывать следующее важное обстоятельство: между объектно-предметным знанием, с одной стороны, и знанием о знании, – с другой, у Вернадского не существует жестких границ, что характерно для всех крупных ученых – новаторов и первооткрывателей, ученых-мыслителей, ученых-философов. У Владимира Ивановича это в особенности относится к *истории науки*. В этом, пожалуй, его индивидуальная особенность, свойственная, конечно, не исключительно только ему, но ему особенно.

Независимо от жанра научной работы – это могли быть книга, статья, очерк, рецензия – Владимир Иванович с неизменным, заслуживающим уважения и подражания постоянством обращается к тому, что обычно называют словами «история вопроса». Вернадский, уже сложившийся ученый, как бы возвращает долг самому себе, точнее, возвращает долг своей юности. Тогда перед ним встал во весь рост непростой вопрос о выборе профессии – натуралиста или гуманитария. Владимир Иванович, не без некоторых колебаний избирая путь профессионала-естествоиспытателя, тем не менее не восстает против самого себя, против, как говорится, собственной натуры: следуя внутренним побуждениям, подчиняясь все более осознаваемому с течением времени призванию, он принимает окончательное решение пойти по пути также и гуманитария. Но ни в коем случае не дилетанта, а гуманитария-профессионала. И содержательно, фактологически, и философски, методологически, именно история науки прежде всего предоставила Вернадскому в этом контексте широкий спектр благоприятных возможностей.

В научных текстах Вернадского история науки проявляет себя в самых разнообразных формах и жанрах. Помимо историко-научных текстов в соб-

ственном смысле это и, например, введения, предисловия, комментарии, примечания и т. д. или просто отступления-размышления, нередко захватывающе интересные, подкупающие своей искренностью, ибо в них Владимир Иванович не только как ученый и мыслитель, но нередко и как поэт вдохновенно проявляет свою личность.

Вообще, тема «рефлексирующий Владимир Вернадский» при всем ее бесспорном, во многих случаях, можно сказать, захватывающем интересе остается по настоящее время очень слабо разработанной, хотя ее поэтапное освоение историками, психологами, философами и, конечно же, биографами Вернадского не только давно назрело, но, пожалуй, начинает уже и «перезреть». Видимо, до определенной степени это связано с огромностью – «безбрежностью» – эмпирического материала, частично уже опубликованного, но в значительной мере остающегося все еще не изученным в российских (главным образом) и отчасти зарубежных (например, американских) архивах.

Богатейшие «залежи» источников ожидают своих заинтересованных исследователей (которым нам, старикам, время коих прошло или проходит, остается, увы, в основном завидовать). Это: 1) дневники «обычные»; 2) дневники «ментальные» (А. Мысли, Б. Мысли и наброски); 3) более или менее случайные письма от Вернадского и к нему; 4) переписка систематическая; 5) записные книжки; 6) рукописи (машинописи) завершенных или частично завершенных книг, очерков, статей; 7) более или менее случайные записи «для себя» на отдельных листках. И так далее, и тому подобное (перечислять можно долго).

Как ни горько и досадно, но об этом надо сказать: многим исследователям по разным причинам придется идти по уже хоженным «предками» тропам, особенно когда дело касается документальных публикаций советского периода: цензура того времени (Главлит и проч.) своим вниманием не обходила и Вернадского. Но это отдельная история, и она, надо думать, будет когда-нибудь изучена.

\* \* \*

Наконец, в контексте феномена сознания-знания в особую категорию необходимо выделить осознание незнания, или знание о незнании, другими словами, проблемное знание.

Как всякий подлинно великий ученый и философ, Владимир Иванович был предельно строг к самому себе, никогда не становился в позу «всезнайки» и в равной мере не преподносил никогда своих выводов как непререкаемых догм. Понимание ограниченности своих знаний (при всей реальной их энциклопедичности!) было присуще ему, можно сказать, «от природы» – генетически, органично, – как было присуще оно действительно крупным ученым, в частности, Ньютону, на пример которого в контексте «осознанного незнания» Вернадский не раз ссылаясь.

Владимиру Ивановичу в высшей степени было свойственно мыслить проблемно, для него, пользуясь выражением М. Планка, «мир был полон проблем». О себе самом Вернадский однажды заметил, что «руки мои как

экспериментатора были средние, больше давали идеи». Но идея есть по сути не что иное, как оборотная сторона проблемы, в идее в скрытом виде, имплицитно, содержатся и утверждение, и вопрос. Можно сказать и несколько иначе, что, на мой взгляд, также будет близко к истине: идея и проблема – родные сестры-близнецы. (Конечно, все эти рассуждения заслуживают основательного анализа и развития, к чему я рассчитываю через год-полтора вернуться.)

Не удивительно, что для заинтересованного и мало-мальски подготовленного читателя труды Вернадского – от скромных статей до солидных монографий – неиссякаемый источник проблем, задач, вопросов, загадок, вокруг которых густо роятся, ожидая своей очереди, или проталкиваются вперед «без очереди» гипотезы, догадки, аналогии и прочая «эпистемологическая публика». Более или менее становится понятным, откуда берет начало тот открытый Вернадским воистину волшебный родник, который вот уже несколько поколений питает не просто большой, а фантастически большой коллектив ученых, насчитывающий десятки и сотни последователей и учеников Вернадского, начиная от скромных лаборантов и научных сотрудников и кончая маститыми профессорами и академиками. Приходится согласиться с мнением, однажды высказанным Э. И. Колчинским, что «научная империя В. И. Вернадского» – это вовсе не миф, а реальность. Очевидно, она органично вписывается в ментальный космос, духовную вселенную Владимира Ивановича как его, космоса, вселенной ядро. Причем реальность эта продолжает расширяться количественно и структурируется качественно. Об этом, на мой взгляд, убедительно свидетельствуют генезис, история и судьба научных школ, у истоков которых стоял Вернадский. По меньшей мере это школы радиогеологическая, геохимическая, биогеохимическая, биосферологическая. История и судьба каждой из них, разумеется, заслуживают специального исследования.

\* \* \*

Исторически движущим началом ментального космоса Вернадского является *творчество*. В контексте наследия Владимира Ивановича вопрос этот и относительно новый, и неисследованный. В этом очерке не приходится претендовать на большее, чем попытаться обратить на него внимание. И здесь, как и в ранее упомянутых случаях, слово за идущими нам на смену молодыми исследователями.

Обращусь для «затравки» к следующему рассуждению Вернадского:

*Нельзя забывать, что самостоятельная творческая научная работа, как всякая духовная творческая работа, накладывает свой отпечаток на весь духовный облик человечества, [и] одновременно неувовимыми путями могущественным образом отражается на окружающих.*

*Нельзя забывать, что духовная сила общества создается только существованием в его среде творческой самостоятельной работы отдельных лиц во всех областях культурной жизни – науки, философии, религии, искусства, общественной жизни.*

Если бы даже данной личности и *не удалось* реально воплотить в жизнь ею созданное, то *самое существование* ее творческой работы есть уже акт жизни общества (курсив мой. – И. М.)<sup>19</sup>.

Прошло 100 лет после публикации этого «дискурса» – пусть маленького, но подлинного гимна творчеству. Прошел целый век, а дважды повторенное «нельзя забывать» словно обращено к нам, ныне живущим и здравствующим, но, увы, уже так много забывшим.

Владимир Иванович набрасывает всеохватывающую картину областей духовного творчества, добавляя к традиционным четырем – науке, философии, религии, искусству – пятую, «нетрадиционную», – общественную жизнь. Многозначность и неопределенность этой пятой области очевидны, и, как бы чувствуя это, сам же Вернадский некоторое время спустя рассеивает «туман», обратившись к самым фундаментальным – экономическим – проблемам общественной жизни (говоря его словами).

18 июля 1916 г., во время научно-экспедиционной поездки по Сибири, Владимир Иванович записывает в дневнике:

Ценность создается *не только* капиталом и трудом. В равной мере необходимо для создания предмета ценности и *творчество*.

Его может внести в дело *третья* категория лиц, различная по своему участию в деле и по своему составу *и от рабочего, и от капиталиста*. Результатами ее творчества могут воспользоваться – и обычно пользуются – как рабочие, так и капиталисты. И те и другие могут ее *эксплуатировать*, как 3-ю силу, с ними равноценную [...]

Если капитал постоянно увеличивается, а рабочий труд его постоянно создает – это происходит только потому, что *они действуют по формам, созданным творчеством*. Этим сознательным и бессознательным творчеством **проникнута вся экономическая жизнь**, и без него она столь же верно обречена на погибель, как без капитала и без труда.

Несомненно, сейчас в данный момент, если бы прекратилось творчество, экономическая жизнь не замерла бы, продолжилось бы рутинно по прежним рамкам накопление капитала и использование труда: но оно происходит *только за счет прежде накопленного и переведенного в формы реальной жизни творчества*. Экономическая жизнь не раз давала нам примеры подобного рода (курсивы простой и полужирный мои. – И. М.)<sup>20</sup>.

Спустя год Вернадский возвращается к обсуждению поднятых ранее вопросов:

Мне кажутся сейчас так слабы основы этического оправдания заработной платы [рабочих] в полном объеме с зачислением в нее всей прибыли капиталиста. Не менее слабы, как [и] оправдания прибыли капиталиста. Есть третий, забытый: те люди, которые делают **творческий акт**

<sup>19</sup> Вернадский В. И. Памяти П. К. Алексата (1913) // Вернадский В. И. Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 187.

<sup>20</sup> Страницы автобиографии В. И. Вернадского / Сост. Н. В. Филиппова. М., 1981. С. 279–280.

(выделено Вернадским. – И. М.), которые дают и рабочим, и капиталистам [возможность] получать доход.

Экономисты за «машинами» забыли творящих их людей. *Можно с тем же правом, как говорят об эксплуатации рабочего, говорить об эксплуатации капиталистами и рабочими в совокупности творцов и создателей орудий производства.* Они большей частью находятся вне капиталистов и вне рабочих.

Можно создать очень стройную теорию и ввести в обращение большой запас совершенно, сколько знаю, неиспользованных фактов (курсив мой. – И. М.)<sup>21</sup>.

На мой взгляд, своеобразие точки зрения Владимира Ивановича состоит по меньшей мере в том, что, во-первых, рабочие и капиталисты не разводятся, так сказать, по разные стороны баррикад, не противопоставляются друг другу как непримиримые антагонисты, к чему мы привыкли в рамках марксизма-ленинизма, но рассматриваются в качестве определенной социальной общности. Те или иные элементы творчества, конечно, свойственны этой общности прежде всего в контекстах и собственно материального производства, и его организации, но здесь они не являются главными, занимают подчиненное положение, выступают как нечто более или менее случайное.

Во-вторых, в области экономических отношений творческое начало рождается и концентрируется прежде всего в недрах принципиально иной социальной общности, которую в наше время принято называть научно-технической интеллигенцией. Очевидно, ее имеет в виду Вернадский, говоря о «творцах и создателях орудий производства», подвергающихся эксплуатации со стороны и рабочих, и капиталистов, пользующихся по-своему результатами труда интеллигентов – создателей – ученых, конструкторов, изобретателей.

В-третьих, обращаясь к феномену сознания-творчества в его целостном виде (с чего был начат этот раздел очерка), уместно напомнить некоторые размышления Владимира Ивановича времен его молодости. Они возвращают нас к истокам проблемы творчества, на протяжении десятилетий, до конца жизни занимавшей в духовной вселенной Вернадского центральное положение.

Я имею в виду два замечательных документа конца 1880-х – начала 1890-х гг. Оба с редким единодушием подводят некоторый «промежуточный» итог и наряду с этим дают сильнейший импульс раздумьям Владимира Ивановича над вопросом о роли в жизни России людей умственного труда, т. е. интеллигенции. При этом – в понимании и характеристиках Вернадского – интеллигенции, независимо от происхождения и социального статуса ее представителей глубоко народной, творчески дерзновенной, жадной до знания.

Эти документы – письмо Вернадского другу Василию Васильевичу Водовозову от 22 октября 1888 г. и особенно неоконченный очерк «Из записок», датированный августом 1892 г. Как всегда у Владимира Ивановича, размышления его выходят нередко за пределы намеченных замыслов и тем и обращаются к фундаментальным философским, социальным и даже политическим

---

<sup>21</sup> Вернадский В. И. Письмо Н. Е. Вернадской 21 июля 1917 г. // Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1909–1940 / Сост. Н. В. Филиппова, В. С. Чесноков. М., 2007. С. 214.

проблемам, злободневным не только для того времени, но и для нашего. Естественно, многое при цитировании пришлось сократить.

Вернадский пишет другу:

Я думаю, что народная, массовая жизнь представляет из себя нечто особенное, сильное, могучее. Масса народная обладает известной возможностью вырабатывать известные знания, понимать явления – она, как целое и живое, обладает своей сильной и чудной поэзией, своими законами, обычаями и своими знаниями; я думаю, что она обладает и еще одним качеством, – что она дает счастье отдельным лицам, которые живут с ней неразрывно [...]

Я сознаю, что в народных массах бессознательно идет работа, благодаря которой вырабатывается что-то такое, для чего и стоит жить, и что приведет к неведомым, неизвестным результатам.

Самое важное и самое глубокое, что есть в этой выработке новых *идеалов народными массами* (эти три слова, как и далее слово «жизнью» выделены Вернадским. – И. М.) – это то, что идеал вырабатывается *жизнью*. Как долго идет и шла такая работа – я не знаю; я еще не понимаю и каким образом она проходит, но для меня несомненно, что она происходит совокупной работой отдельных единиц [...]

Я вижу, как из работы отдельных лиц, опирающихся и исходящих постоянно из познанного массами, выработалось огромное, подавляющее здание науки; я вижу, как неумоимо идет работа в нем – работа ощупью, работа почти всегда наугад и как из нестройных, беспорядочных попыток отдельных лиц мало-помалу, годами и столетиями вырабатывается нечто более стройное и упорядоченное [...]

**Задача вся состоит в том, чтобы и эта работа вошла в общую массовую жизнь, чтобы масса поднялась до этой работы и влила в нее то, чего недостает в ней. И как явилась прекрасной ее поэзия, как явилась чудной ее музыка и как явились высоко гармоничными те или иные мысли, идеалы, стремления из массовой жизни – так, я думаю, должна явиться могучим и новым и наука, знание, вошедшее в массы и их до себя поднявшее [...]**

Мне иногда кажется, что эта массовая жизнь есть какой-то отголосок космических сил, которые – мы видим – всюду действуют и что, если бы мы смогли применить сюда обычные нам логические методы, мы могли бы разбить эту жизнь на известные рамки, на известные частички, которые оказались бы связанными с более широкими и более общими явлениями, мы смогли бы найти «законы» этой жизни и «формулы» ее развития (курсивы простой и полужирный мои. – И. М.)<sup>22</sup>.

Вдумываясь в *окружающую будничную жизнь*, мы можем наблюдать в ней проявление основных идей и верований текущего и прошлого поколения, можем видеть *постоянное стремление человеческой мысли покорить и поработить себе факты совершенно стихийного* на вид характера. На этой *будничной жизни* строится и растет главным образом основная сторона человеческой мысли.

Быстро исчезает человеческая личность, недолго относительно хранится любовь окружающих, несколько дольше сохраняется память о ней,

<sup>22</sup> Вернадский В. И. Письмо В. В. Водовозову 22 октября 1888 г. // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 398–400.

но часто чрезвычайно долго в круговороте текущей, будничной жизни сказывается ее мысль и влияние ее труда. Невольно и часто бессознательно она работает над жизнью, потому что для нее эта работа является необходимым и неизбежным элементом существования. Коллективной работой массы людей жизнь человеческих общин и самого человечества получает стройный характер – постоянно на этой жизни мы можем наблюдать проявление сознания, причем сами явления жизни получают характер непреложных **законов** (слово выделено Вернадским. – И. М.), слагающихся как под влиянием сознания отдельной личности, так и **сознательной** (слово выделено Вернадским. – И. М.) однообразной работы массы мелких человеческих единиц.

Такой законообразный характер сознательной работы народной жизни приводил многих к отрицанию влияния личности в истории, хотя в сущности мы видим во всей истории постоянную борьбу сознательных (т. е. «не естественных») укладов жизни против бессознательного строя мертвых законов природы, **и в этом напряжении сознания вся красота исторических явлений, их оригинальное положение среди остальных природных процессов.**

**Этим напряжением сознания может оцениваться историческая эпоха.**

Влияние идеи и мысли на текущую, будничную жизнь широко и постоянно; оно несколько веков становится сильнее и могущественнее. Этот процесс обещает много впереди; сама его продолжительность зависит от неуклонного к нему стремления отдельных сознательных личностей.

В явлениях текущей жизни каждая личность тем более имеет влияние на жизнь, тем более ведет к победе мысли (т. е. гармонии и красоты), чем сознательнее постоянно и серьезно она ищет проявления основных идей в окружающей текущей жизни, чем непреклоннее и яснее оценивается каждое явление со стороны общих, дорогих ей принципов и чем более выясняет себе, что именно с точки зрения Мысли и Идеи значит каждое событие текущей, будничной жизни, что надо делать, чтобы оно шло по пути идеи и мысли.

Тогда каждая личность в своей жизни является отдельным борцом проникновения сознания в мировые процессы, она своей волей становится одним из создателей и строителей общего **закона** (слово выделено Вернадским. – И. М.), общего изменения, изменения сознательного, тех или иных процессов, и этим путем участвует в глубоком процессе – переработки мировых явлений в целях, выработанных Сознанием.

Силы личности и влияние ее, понимание ею жизни (а тут работа над пониманием – есть сама по себе общественное дело великой важности для всякой личности, не живущей на необитаемом острове) увеличиваются по мере вдумывания в процессы будничной жизни [...]

Многое новое [...] должно раскрываться и уясняться для всякого человека при вдумывании в совершающуюся вокруг него мелкую, глухую жизнь.

**Так ли глуха эта жизнь, как она кажется? Так ли она бесформенна и случайно-бесцельна, как представляется? Так ли бессильна личность противиться уродливым проявлениям жизни, и не есть ли отсутствие ясного понимания и оглашения этой уродливости отдельными личностями самая основная причина и главная сила всех уродливых течений жизни?**

*Общество тем сильнее, чем оно более сознательно, чем более в нем места сознательной работе по сравнению с другим обществом [...] Как есть ряд человеческих обществ, и в этих обществах, государствах в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать свое мнение – в других такая возможность доведена до минимума – то первые общества гораздо сильнее и счастливее вторых обществ. Если же в первых сверх того необходимые коллективные поступки делаются на основании правильно составленного мнения лучших людей, а во вторых обществах на основании мнения случайного характера людей случайных – то сила первых обществ еще более увеличивается. В таком случае неизбежным образом для вторых обществ становится на карту вопрос их существования и жизнь в них становится труднее и безобразнее [...] Жизнь человечества все более усложняется, отношения между людскими общинами увеличиваются, коллективные поступки других общин становятся все правильнее – а потому ошибочность в поступках общин 2-го типа увеличивается и ненормальность их устройства становится яснее и серьезнее.*

В таком случае является необходимость найти исход из такого неправильного положения. Мыслимы три случая. Или такая община, или такое государство достаточно физически сильно и может направить данную силу дурно, т. е. противно людскому благу и интересам прогресса; или оно не может победить прочих государств и должно медленно или быстро разрушаться, или в нем достаточно людей с сильной волей и ясным сознанием, и эти люди могут изменить ненормальные условия жизни.

*Существование таких людей необходимо во всех случаях. Их количество и качество решают судьбу государства.*

Между тем все условия жизни в таких обществах препятствуют, вообще говоря, их образованию, – а потому те, которые почему бы то ни было могли образоваться в таком государстве, должны особенно напрягать свои силы и жить особенно интенсивно и вдумчиво.

**В типичном подобном положении находится Россия**, и перед нами как раз теперь стоят все эти вопросы, перед каждым из нас лежит обязанность уметь дать ответ в тех трудных обстоятельствах, какие ставятся нам жизнью.

Нет кругом талантов или могучих публицистов, которые могли бы являться передовыми вождями – борцами и вести всех мыслящих, всех сомневающихся к одной великой, беспощадной борьбе со злом, мраком и несчастьем, охватившими нашу родную землю. Нет людей, которые могли бы растолковать и объяснить пагубное течение русской жизни. Является поэтому обязанностью и делом простых русских граждан пытаться **публично** (слово выделено Вернадским. – И. М.) разбираться самим в сложных явлениях жизни и растолковывать их, обсуждать сообща, пропагандировать их среди русского общества. Рядом таких случайных писателей заменяется недостаток – очень печальный – в нашей жизни сильных и талантливых публицистов и критиков.

С этой целью попытаюсь и я, простой наблюдатель, изложить в этих отрывках мысли и желания, которые являются у меня под влиянием размышления над нашей характерной русской жизнью.

**Мы поставлены в тяжелое положение, у нас завязан рот, заткнуты уши, мы не имеем почти возможности влиять на поступки того государства, гражданами которого являемся, не можем исповедовать**

**веры, какая нам дорога, и проч., и проч.; но есть и хорошая сторона в нашей жизни – это то, что для нас особенно дорог, что нам особенно близок и красив тот идеал свободы** (слово «свободы» выделено Вернадским. – И. М.), **который для наших западных соседей является не предметом желания, а предметом обладания.**

**В нашей русской жизни особенно ясна его красота, гармония и сила** (курсивы простой и полужирный мои. – И. М.)<sup>23</sup>.

В письме к Водовозову, как и в очерке «Из записок», феномен сознания как творчества или, другими словами, феномен творческого сознания рассматривается Владимиром Ивановичем на пересечении двух фундаментальных «траекторий»: народных масс – с одной стороны, личности – с другой. Обе «траектории» – отнюдь не геометрические абстракции, они погружены автором в многокрасочный, богатый оттенками контекст – исторический, социальный, психологический. Ядром этого контекста является сам Вернадский – он и дирижирует «оркестром», и исполняет на «скрипке» сольную партию.

Василий Васильевич Водовозов – представитель революционного народничества, университетский товарищ Вернадского, человек трагической судьбы. В согласии с общей тенденцией развития своих научных и философских интересов 1880-х гг. Вернадский в письме к Водовозову рассматривает народ под некоторым натуралистически-космическим углом зрения, усматривая в жизни масс (это было, главным образом, крестьянство) отголоски проявлений космических сил.

В этой «космологичности» воззрений Владимира Ивановича – глубина его интуиции и в данном контексте, по-видимому, известная их слабость: «земная жизнь» народных масс пока еще не раскрывается Вернадским как процесс активного социального творчества, народ отчетливо не понимается еще как важнейший, в ряде случаев решающий субъект социального творчества. (Отчасти также и по той причине, что сам «русский народ» до столь высокого уровня попросту еще не дорос.)

Наиболее четкие очертания в письме к Водовозову приобретает идея союза науки и народных масс, и ранее занимавшая мысль Вернадского. С одной стороны, Владимир Иванович подчеркивает, что научное знание глубоко народно по своим истокам, своими корнями оно уходит в жизнь трудящихся масс, с другой, – что наука должна «вернуться» к народу, коренным образом преобразовать самые основы народной жизни, гуманизировать их, поднять до себя.

Сказанное не означает, что в письме к Водовозову личность в расчет Вернадским не принималась. Напротив, провозглашение действенной, творческой роли личности в историческом процессе было очень характерно для Вернадского. Настолько характерно, что временами складывается впечатление неоправданного преувеличения Владимиром Ивановичем роли личности в истории. Но при более внимательном рассмотрении вопроса скоро обнаруживается, что это впечатление обманчиво.

Личность Владимир Иванович понимает не как нечто действующее независимо от условий, времени и места. По его убеждению лишь в единстве с

---

<sup>23</sup> Вернадский В. И. Из записок. Август 1892 г. // Вернадский. Философские мысли натуралиста... С. 402–405.

массовой, народной жизнью существование личности обретает смысл, а сама она в своей жизни и творчестве оказывается способной выразить идеалы и чаяния народные.

Для Вернадского эти положения были не только итогом размышлений – они были пережиты им на собственном опыте. Это явственно следует из контекста письма к Водовозову.

То же самое, но в еще большей степени можно сказать и о, к сожалению, оставшемся неоконченным очерке «Из записок».

Спрессованное в этом очерке идейное богатство будущим исследователям творчества Вернадского еще предстоит изучать и изучать. Безвременно ушедший из жизни крупнейший вернадовед Владислав Павлович Волков (1934–2012) отметил однажды, что в заключительных строках этого очерка «Вернадский излагает свое понимание природы будущего российского государства»<sup>24</sup>. На мой взгляд, с этим утверждением следует полностью согласиться. Он же отмечает, что

у Вернадского была своя философия истории, понять которую можно лишь после того, как будут расшифрованы и опубликованы его дневниковые записи, изучена переписка<sup>25</sup>.

Очевидно, становление философии истории Вернадского также отразилось в некоторых важных своих чертах и в очерке, и в письме к Водовозову. Оба документа находятся на стыке комплексов исторических, философских, социальных, психологических проблем, адресованных и сознанию, и творчеству, и их контекстам. В том числе хотя относительно еще отдаленному, но уже явственно начинающему формироваться «контексту ноосферы».

Конечно, «ноосфера Вернадского» в ее развитом виде – это 1930-е и особенно 1940-е гг. Однако истоки ее уходят в юношеские времена жизни Владимира Ивановича. А это – XIX век.

На исходе этого века обстоятельства сложились так, что в индивидуальной эволюции к своей ноосфере Вернадский объективно обрел опору в учении Л. Н. Толстого. Запись в дневнике 29 апреля 1893 г.:

Был у нас Л. Н. Толстой – с ним *продолжительный* разговор об идеях, науке и т. д. [...]

Я думаю, что в учении Толстого *гораздо более глубокого*, чем мне то вначале казалось. И это глубокое заключается:

- 1) Основую жизни – искание истины и
- 2) Настоящая задача состоит в высказывании этой истины без всяких уступок.

Я думаю, что последнее *самое важное*, и отрицание всякого лицемерия и фарисейства и составляет *основную силу* учения, так как тогда наиболее сильно проявляется *личность* и личность получает общественную силу (курсивы простой и полужирный мои. – И. М.)<sup>26</sup>.

<sup>24</sup> Волков В. П. В. И. Вернадский – общественный деятель и публицист // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 13.

<sup>25</sup> Там же. С. 23.

<sup>26</sup> Вернадский В. И. Дневник. 1890–1894 // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 5. Л. 49–50.

Не участвуя в социальных и философских поисках Толстого непосредственно, поисках, как известно, очень сложных и во многом противоречивых, Вернадский, однако, высоко оценивает органически им свойственные гуманистические и нравственные моменты. Такое отношение к учению Толстого у Вернадского сохранилось по существу на всю жизнь. И это не случайно. В лице Толстого Владимир Иванович встретил именно того человека, во всем творчестве и деятельности которого ярко и глубоко воплотилось сознательное начало, который в буквальном смысле являлся, говоря словами Вернадского, «знаменосцем сознания», при всех своих действительных и мнимых заблуждениях и ошибках.

Для Владимира Ивановича Лев Николаевич был не просто и не только великим художником. Наряду с этим он был аккумулятором невидимой, но самой действенной и мощной энергии сознания, прекрасным примером творчески преобразующей роли сознательного начала в человеческой истории и в жизни человека вообще, т. е. воплощением того, что для Вернадского было самым дорогим.

\* \* \*

Заключительный раздел этого опуса для меня самого оказался в какой-то степени неожиданным. Однако стихотворение младшего друга и отчасти ученика Владимира Ивановича, геолога, минералога, метеоритика, сибирского краеведа и путешественника Петра Людовиковича Драверта я много лет «держал в уме», от случая к случаю его перечитывая. Помнил, конечно, что из этого стихотворения 1921 года Вернадский «для себя» сделал нечто вроде выжимки из шести (!) строчек, опубликовав их в качестве «эпиграфа» к своей классической «Истории природных вод» (§ 30 «Вода в космосе») <sup>27</sup>. Конечно, эпиграф есть эпиграф и многого, точнее невозможного, требовать от него никак нельзя.

В пространстве мировом, среди метеоритов,  
Обильных никелем, железом, как руда,  
Среди загадочных, чужих для нас хондритов  
Извечно носятся, блуждая, глыбы льда.  
Сложившись в агрегат кристаллов тригональных,  
Противоборствуя невидимым волнам,  
Они бегут в своих кругах астральных,  
Пока неведомых и недоступных нам...  
Порой одни из них в бессменности движенья  
Скрестят свои пути с орбитой земной  
И, слепо верные законам притяженья,  
Свергаются в наш мир для участи иной.  
Стремительно летя в воздушные пучины,  
Создания темных недр холодной пустоты,  
Вращаются, светясь, космические льдины,  
И тают их тела в объятьях теплоты...

---

<sup>27</sup> Вернадский В. И. История природных вод (1936) // Вернадский. Избранные сочинения... 1960. Т. 4. Кн. 2. С. 28.

И, выпав на утес, от зноя раскаленный,  
Остатки хрупкие когда-то мощных масс,  
Кончая век, быть может, миллионный,  
Последний скорбный свой переживают час.  
А солнце превратит их скоро в пар незримый,  
Сольется тесно он с громадой облаков,  
И примем мы потом в плодах земли родимой  
Частицы влажные исчезнувших миров<sup>28</sup>.

Конечно, Вернадский спрессовал для себя эпиграф именно из этого стихотворения отнюдь не случайно. Помимо сугубо личных симпатий к автору (что несомненно) Владимиром Ивановичем подспудно двигали, на мой взгляд, и побуждения существенно иного качества. В стихотворении Вернадский нашел эмоциональный, почти музыкальный отклик на свои давние космологические (вспомним хотя бы письмо к Водовозову!) переживания и размышления. Носящиеся, – казалось бы, и случайно, и бессмысленно, – в космических пространствах ледяные глыбы «под пером» поэта *оживают*, они становятся живыми существами, ради блага «землян», не раздумывая, жертвующими собой. Но не просто жертвующими – а погибающими до конца, без остатка, – превращаясь в ничто, в пар земной. Но что следует за этим «ничто», за этим «паром» – поэт говорит очень четко и ясно! На мой взгляд, невозможно сомневаться в том, что стихотворение Драверта стало весьма весомым «вкладом» в самые глубокие – нравственные – основания ментального космоса, духовной вселенной Вернадского, хотя скорее всего сам Владимир Иванович это не столько сознавал, сколько чувствовал, переживал. А это само по себе уже очень много.

---

<sup>28</sup> Драверт П. Л. Космический лед (1921) // Драверт П. Л. Незакатное вижу я Солнце. Новосибирск, 1974. С. 134–135.